

*Желание
женщины*

**Детективные романы
Л. Мартовой**

**Читайте
любовно-детективные
романы
Людмилы Мартовой
в серии
«Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери

Страсть на грани

Февральская сирень

Людмила
МАРТОВА

СТРАСТЬ
на ГРАНИ

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Разработка серии *С. Курбатова*

Ранее роман издавался под названием «Там, где твоё сердце»

Мартова, Людмила.

М29 Страсть на грани / Людмила Мартова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. —
(Желание женщины. Детективные романы
Л. Мартовой).

ISBN 978-5-699-94787-4

Путь к счастью нередко бывает тернистым. Лера Соболева, неуверенная в себе, затюканная бывшим мужем и стесняющаяся своей полноты, в полной мере ощутила это на себе: с недавних пор ее жизнь превратилась в непреходящий страх. Бесконечные придирки нового начальника, автомобильная авария, нападение неизвестного... Вдобавок она сама и члены ее семьи начали получать непонятные «подарки»: павлиньи перья, тушку кролика, кроличьи лапки... А потом в музее-усадьбе «Горки», где работала Лерина мама, случилось два убийства подряд. Тогда Лера поняла: все происходящее связано с давними семейными тайнами, ведь когда-то ее дед, бывший председателем колхоза, нашел на территории усадьбы дворянского рода Ланских сундук со старинными изразцами, и больше их никто никогда не видел...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94787-4

© Мартова Л., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*С любовью и благодарностью моему мужу,
который уже больше двадцати лет
позволяет мне делать все,
что я считаю нужным*

ПРОЛОГ

1665 год

Мастер был доволен. Отойдя от раскаленного горна, он внимательно осмотрел получившиеся плитки. Все они удались на славу — с точными линиями, богатыми красками и живостью образов. Из сияющих четырехугольников складывался выпуклый красочный узор. В центре каждой плитки располагалась белая раскрывшаяся чаша, обрамленная желтоватого цвета венком. Два голубых стебля, прописанных точно над венком, затем зеленые и голубые цветы — плитка дышала, будто напоенная силой травы и летнего ветра.

Промежутки между изразцами он заполнит нанесенными на темно-голубой фон зелеными, белыми и желтыми ветвями, сочными, полными радости и красоты. Зимой, когда церковная кровля покроется белым снегом, изразцовый узор будет особенно радовать глаз, напоминая о луговой траве и раскрывающихся ранним предраассветным утром кувшинках.

Мастер отложил плитки и вышел из оборудованной на скорую руку гончарной мастерской на улицу. В небесной сини растворялась белизна только что построенного храма, для отделки которого его и пригласил владелец усадьбы. Да что там пригласил — выпросил у могущественного патриарха Никона его лучшего ценника! А тот разве посмел бы ослушаться?

Хозяйский дом был построен еще не полностью. Сначала возводили именно храм, и Степан в очередной раз

одобрил правильный подход хозяина усадьбы, который Бога чтит больше, чем себя. Березовая роща за церковью шелестела нежной зеленой листвой, напоминая мастеру о Беларуси, где он родился и вырос.

С легкой тоской вспоминал Степан родной Мстиславль, из которого его привез «полоном» князь Алексей Никитич Трубецкой. Да что толку вспоминать о минувших днях! Вряд ли на родине его талант оказался бы востребованным в такой мере, как здесь. Сейчас он уважаемый изразцовых дел мастер, старший среди ценинников. За плечами работа по украшению Новоиерусалимского и Иосифо-Волоколамского монастырей, высоко оцененная самим Никоном, который приблизил его, Степана, к себе.

И свой неповторимый стиль, и авторский рисунок, однажды привидевшийся ему в ночной грезе полусна-полуяви и ставший его визитной карточкой — керамический фриз «павлинье око», — Степан придумал именно здесь, в России. Восемь лет понадобилось на то, чтобы отточить его до совершенства. Именно столько времени ушло, чтобы под патронажем Никона сделать изразцы для Воскресенского собора на Истре.

И вот он здесь, в усадьбе Артемия Болдырева, чтобы повторить свой шедевр на храме рядом с господским домом. Недешево это обходится, ну да у богатых, как известно, свои причуды. Может быть, он даже согласится выложить «павлинье око» на печи в главной усадебной зале. Почему бы и нет? Но это будет единственный дом в России, да и в мире, пожалуй, где подобная техника будет использована на печи.

Еще раз вдохнув запах свежеебожженной плитки, на которой цвел цветок граната, дающий неуловимое сходство с глазом заморской птицы павлина, Степан прикрикнул на отвлекшихся подмастерьев и принялся за работу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ноль внимания

*Все, что ты можешь,
это быть готовой к лучшему.
Чтобы, когда это лучшее придет,
пригласить его зайти,
потому что ты нуждаешься в нем.*

Нина Добрев

Тридцатичетырехлетняя женщина, которая весит восемьдесят девять килограммов и воспитывает двоих детей, оставшихся ей в наследство после бурного и тяжелого развода, не имеет ни малейшего шанса на новое замужество.

Лера Соболева была полностью согласна с этой прописной истиной, о которой ей постоянно твердили бабуля и жизненный опыт. Им обоим Лера привыкла доверять. Ни бабуля, ни жизненный опыт ее никогда не подводили.

Тем не менее в данный момент она стояла на мохнатом, не первой свежести ковре перед распорядительницей городского ЗАГСа и сочеталась законным браком. Ее брали в жены вместе с восьмьюдесятью девятью килограммами, Степкой, Антошкой, возом неразрешенных проблем и кучей комплексов, терпеливо и любовно возвращенных предыдущим мужем.

Бабуля, стоя в первом ряду гостей, аккуратно утирала слезы скомканным кружевным платочком. Степка и Антош-

ка, одетые в строгие костюмы с бабочками, с независимым видом рассматривали огромный зал с лепниной под потолком. А жизненный опыт был решительно упрятан под складки свободного белого платья, и Лера строго следила, чтобы в самый неподходящий момент он ненароком не вылез, а она сама вследствие этого ничего не учудила. Она вполне могла бы сбежать с собственной свадьбы. С нее бы стало.

«Может, он все-таки извращенец?» – размышляла она, поглядывая на стоящего рядом мужчину, то есть теперь уже мужа, которому на ее жизненный опыт вкупе с килограммами было решительно наплевать.

Муж на извращенца был не похож. Обычный среднестатистический мужик, работающий сменами в МЧС. Высокий, плотный, достаточно упитанный, с начинающими редеть волосами. По вечерам он любил выпить бутылочку пивка, в выходные благосклонно относился к затеянному Лерой пирогам, с Антошкой собирал модели самолетов и фрегатов, а Степке подарил первый в его жизни айфон. Дети его обожали и слушались гораздо лучше, чем мать.

– Зачем я тебе? – регулярно спрашивала у мужа, тогда еще потенциального, Лера, которая прекрасно понимала, что как подарок судьбы не может рассматриваться даже в первом приближении.

– Да люблю я тебя, идиотку, – неизменно отвечал он.

«Может, и правда любит», – уныло думала Лера, разглядывая себя в большое зеркало, намертво вмонтированное в стенной шкаф-купе. Если бы зеркало можно было выдрать без ущерба для дорогостоящей мебели, Лера обязательно бы это сделала. Зеркала она ненавидела так же сильно, как свое в них отражение.

Мужа звали Олег Золотов. Познакомились они у общих друзей, которых, как потом выяснилось, и друзьями-то было назвать трудно. Леру затащила туда старая, с детских лет, подружка Злата, недавно вышедшая замуж за какого-то потрясающего мужика, чуть ли не олигарха, и ставшая вследствие этого Аржановой¹.

Идти в гости Лера категорически не хотела. С утра она опять выясняла отношения с теперь уже бывшим мужем, который наматывал ее нервы на кулак почище корабельного каната. Она уже и поплакать успела над своей ничемной жизнью, и пожалеть себя, и от души позлиться, что уродилась такой во всех отношениях неудалой. На работе у нее все валилось из рук, и новый начальник цеха смотрел на нее совсем уж неодобрительно. Конечно, то, что Лера его раздражает, было понятно с самого начала, но сегодня его неудовольствие было совсем уж выразительным. Оно было таким густым, что его можно было резать ножом, как хорошее масло.

Уж в чем в чем, а в масле Лера разбиралась, потому что институт закончила по специальности «технолог молочного производства», и цех, в котором работала, был одним из цехов молочного комбината, лучшего в области.

В общем, позвонившая в самый разгар ее плохого настроения Злата оказалась очень некстати, но отцепиться от нее было совершенно невозможно. Если Злата считала, что поступает правильно, остановить ее мог только новоиспеченный муж, да и то не всегда.

Так Лера оказалась в какой-то чужой квартире, за одним столом с людьми, которые, за исключением Златы,

¹ Подробнее в романе Людмилы Зарецкой «Мой любимый сфинкс».

были ей совершенно незнакомы. И неинтересны. Впрочем, довольно быстро выяснилось, что один из мужиков, представившийся Олегом, очень даже занятый собеседник. Настолько, что где-то через полчаса они вдвоем тихонько смылись из гостей, чтобы съездить к церкви Успения Пресвятой Богородицы и на месте разрешить спор по поводу некоторых атрибутов ее убранства. Лера знала про церкви все, потому что диссертация ее мамы-искусствоведа как раз касалась убранства церквей. Но в данном конкретном споре неожиданно победил Олег, вдоволь насмеявшийся над ее непомерным удивлением этим обстоятельством.

Как-то так получилось, что они оказались у нее дома и долго и обстоятельно пили чай на кухне, отогреваясь после прогулки по морозным улицам. И как-то уж совсем незаметно для Леры новый знакомый воспользовался тем, что дети в связи с зимними каникулами были отправлены к бабушке, и остался ночевать. Аккурат к концу каникул он уже перебрался в соболевскую двушку с вещами. Лера даже глазом моргнуть не успела.

Больше всего ее поразило, что ради ее сомнительных прелестей Золотов оставил вполне себе приличную жену сорок шестого размера. К жене прилагалась еще и дочь – нежное создание шестнадцати лет, и наличие дочери Леру мучило особенно. Она искренне верила, что на чужом горе счастья не построишь. Но Олег все ее аргументы развеял в один присест, сразу заявив, что «любит ее, идиотку».

Спустя два месяца он получил развод, а еще через месяц они поженились. Такое стремительное развитие событий Леру пугало чрезмерно, но воля ее была парализована еще в баталиях с первым супругом, поэтому она сдалась на

милость победителя, который ей, как на грех, сильно нравился.

В том, как он, похрапывая, спал, как ел, как пил свое пиво, как целовал ее, Леру, было что-то настоящее. Мужское. Он все делал основательно и со вкусом, начиная от прибивания всего того, что требовалось прибить в ее доме, оставшемся без мужского пригляда, до занятий любовью, которые доводили Леру до полного умопомрачения. Она даже не знала, что в постели с мужчиной положено испытывать такие ощущения, и уж совершенно точно была убеждена, что ни на что подобное не способна.

Они вместе гуляли по парку, подкармливая отошавших за зиму белок. Вместе водили детей смотреть на ледоход. Вместе пили вино в маленьком подвальчике неподалеку от дома. Вместе жарили по вечерам картошку. И вместе придумывали «казнь египетскую» для Лериного начальника цеха, который продолжал всячески выказывать ей свое нерасположение. Ей было искренне непонятно, отчего он на нее так взъелся, потому что работником она была неплохим. Даже хорошим.

В отличие от начальника, который ее постоянно нервировал, новый муж распространял спокойствие и негу. Вот только легкая фантастичность происходящего и легкая же тревога, что все это может в одночасье кончиться, мешали Лере полностью расслабиться и получать от жизни удовольствие.

– Дурында ты, – смеялась подруга Злата. – Все же хорошо. Живи и радуйся. Нет, надо обязательно в черные тона все окрашивать.

– У меня тревожность повышенная, – слабо оправдывалась Лера. – Кроме того, знаешь, я, как ветеран боевых

действий, имею неуравновешенную психику, искалеченную войной. И тот факт, что боевые действия я вела со своим законным супругом, ничего не меняет. Мне нужен курс реабилитации.

– Вот твой Золотов и устроит тебе этот самый курс, – убежденно сказала Злата. – Лерка, он хороший. И действительно тебя любит. Что тебе кажется странным?

– Меня невозможно любить! – вскинулась Лера. – Я толстая. У меня двое детей, которые все время что-то спрашивают, роняют, бьют и жутко шумят. Тихий семейный вечер в нашей квартире просто невозможен, понимаешь?

– А с чего ты взяла, что ему нужен тихий семейный вечер? – пожала плечами Злата. – Может, ему как раз нравится весь этот шум и гам. Мальчишки у тебя прекрасные. Шkodные, конечно, но добрые. А то, что тебя невозможно любить, так это глупость какая-то несусветная. Ты бы для начала сама себя полюбила – глядишь, и все остальные бы подтянулись. Тем более что двое уже есть.

– Какие двое? – насторожилась Лера.

– Я и Золотов.

– Ну, тогда уж и Степка, и Антошка, и мама, и бабуля.

– Вот видишь. Людей, которые тебя любят, очень много. Так что не кисни, – бодро заключила Злата.

Лера всеми силами старалась следовать совету подружки и не киснуть, но нет-нет да сбивалась на мысль, зачем она нужна Олегу, да еще так сильно, чтобы на ней жениться. Ей казалось, что свадьба, крики «горько», звон бокалов с шампанским происходят в каком-то сне и что она вот-вот проснется и вернется к реальности, в которой ничему этому нет и не может быть места.

От своих мыслей она очнулась лишь в тот момент, когда муж попытался взять ее на руки, чтобы снести вниз по лестнице. И забилась у него в руках, как подстреленная птица, чтобы не дать ему упасть вместе со своей неподъемной ношей, не позволить опозорить себя перед родней и друзьями, не дать подчеркнуть лишний раз, какая она тяжелая и...

– Если ты перестанешь елозить, мне будет гораздо легче, – шепнул он ей в ухо и понес как пушинку, ступая уверенными шагами и не выражая ни малейшего намерения уронить ее или упасть самому.

Все-таки он был очень основательный мужик, этот самый Олег Золотов, и она вдруг сильно обрадовалась тому, что он придумал на ней жениться.

«Может, я зря боюсь? – мелькнуло у нее в голове, и она покрепче вцепилась ему в плечо, устраиваясь поудобнее. – Все обязательно наладится!»

* * *

«Все обязательно наладится», – думала Татьяна Ивановна, обходя свое большое и требующее неусыпного контроля хозяйство.

Уникальный памятник истории, культуры и архитектуры, построенная в середине семнадцатого века и заметно реконструированная в веке девятнадцатом усадьба Горка, более известная по имени своих многовековых владельцев дворян Ланских, была единственным местом в области, где сохранились все хозяйственные постройки: барский дом, дом управляющего и садовника, людские избы, амбары,